

1984

наша гостиния

МИХАИЛ НОЖКИН. И ПЕСНЯ

На этих днях мы позвали в свою редакционную гостинию давнего друга «Недели», известного актера, поэта, композитора и барда, который хорош и на киноэкране, и на эстраде, и в приятельском кругу с гитарой. К нам пришел народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР Михаил Иванович Ножкин, знакомый недельцам еще тогда, когда у него не было почетных званий. Отношения с ним у нас самые добрые, и зовут его недельцы просто по имени, как и он нас.

мир. Пришлось много петь, читать стихи. Отдых и увеселения не состоялись.

— Недавно в Свердловске смотрели оперетту «Насильно мил не будешь» — пьеса твоя, музыка Соловьева-Седого. Как сложился такой тандем?

— Однажды Василий Павлович сказал мне: «Давай оперетту напишем? А то все знают мой «Вечер на рейде», а новые крупные вещи я давно не писал». Лестное предложение, правда? Пьеса — ладно, а музыка у него получилась чудесная. Последний шедевр Соловьева-Седого. Его записали в «Золотой фонд» Всесоюзного радио, оркестром управлял на этой записи Юрий Васильевич Силантьев, тоже последняя его запись... Между прочим, ленинградский молодежный театр «Буф» репетирует мюзикл «С микрофоном за пазухой», пьеса моя, музыку мы написали с Давидом Ашкенази.

— И все-таки, Миша: где сейчас снимаешься?

— Телевидение готовит сериал «Война священна», документальный, публицистический. Там в каждом фильме какой-нибудь актер выступает ведущим. Я — в картинах о Сталинградской битве и о битве за Кавказ. Будет такой, например, эпизод: идем мы с сапером по Мамаеву кургану, у меня в руках миноискатель, и вдруг он писк характерный издает... Я спрашиваю сапера: «Юра, насколько часто наталкиваетесь вы сейчас на «эхо войны»? Он отвечает: «Бывает до 5—6

заказов в день». Чувствуете, братцы, как обыденно — «заказов»? Это ведь значит, что 40 лет минуло, а их 5—6 раз в день вызывают на разминирование!

— Фильм, конечно, к 40-летию Победы. А что еще делаешь к этой большой дате?

— Издательство «Музыка» выпустит мой авторский сборник песен, их там шестьдесят. Название, скорее всего, «Я люблю тебя, Россия!» Там много песен о войне. В «Мелодии» буду готовить пластинку-поэму «Самый славный день». Сценарий документального фильма закончил — «За Родину!».

— Все знают и поют твою «А я в Россию, домой хочу, я так давно не видел маму...». Наверняка у тебя есть новые стихи и песни. Может, исполнишь?

— Есть песни. О Победе, о ветеранах-фронтовиках. Пожалуй, сейчас стóит показать то, что я долго не мог написать. Понимаете, мой отец, сапер Иван Петрович Ножкин, с первых дней Великой Отечественной был на фронте. А осенью сорок второго они попали под Ржевом в окружение, яростно пробивались к своим, и отец был тяжело контужен. Фашисты его подобрали лежавшим без сознания и отправили в концлагерь. Потом он вернулся домой, совсем больной, изможденный. После его смерти я в семейных бумагах нашел черновик его автобиографии и из него узнал, что отец был в Дахау, затем в Бухенвальде... Поймите, я не специально пишу о войне. Сердце

вдруг начинает быстрее колотиться, само рождается стихотворение. Вот так, вдруг, возникли строки, которые еще и на машинке не напечатаны, только от руки: «Под Ржевом». Великая Победа складывалась из больших битв и из боев «местного значения» — за маленькие города, безымянные высоты... Слушайте.

Он читает, пробуя напевать, стараясь найти мотив:

Под Ржевом от крови трава на века порыжела.
Под Ржевом поныне шальные поют соловьи о том, как под Ржевом, под маленьким городом Ржевом великие, долгие, тяжкие были бои.
Под Ржевом к девчатам спешат на свиданье ребята, в округе веселые звонкие песни звучат.

Порою не верится даже, что с песнями рядом в пробитой земле и поныне осколки торчат.
Под Ржевом и ночью и днем не смолкали сраженья. А враг был одет и обут, и силен, и жесток.
Под Ржевом сжималось, сжималось кольцо окруженья, и наши от пуль и от голода падали с ног.
Под Ржевом болота, повсюду болота, болота, грясина, да кочки, да ямы, да редкий ивняк.
И в эти болота — без счета, без счета, без счета врзались герои отчаянных наших атак.
Под Ржевом, уже на пороге родимого крова, последним усилием старались врага удержать.

Жестокою, страшною осенью сорок второго война пожинала бесчисленный свой урожай. Под Ржевом в кровавой, свинцовой сплошной круговерти не дрогнули славные дети родимой земли. Рванулись в прорыв окруженья Долиною смерти и в этой долине бессмертье свое обрели... А ныне в долине колышется хлебное поле, а ныне в долине снимают тройной урожай. А там, под землей, в три слоя, в три слоя, в три слоя

солдаты, солдаты, солдаты России лежат.
А дома поныне всё ждут их, всё ждут — не дождутся. В сердцах у родных всё кипит неоконченный бой. А дома всё верят, надеются: вдруг да вернутся — хоть в мыслях, хоть в сказках, хоть в песнях вернутся домой...
Под Ржевом от крови трава на века порыжела. Под Ржевом поныне шальные поют соловьи о том, как под Ржевом, под маленьким городом Ржевом великие, долгие, тяжкие были бои...

Вот такая будет песня.
— Ты, как прежде, утром 9 мая приходишь в сквер перед Большим театром?
— Да. И буду приходить.

В гостиную дежурил Эдуард ЦЕРКОВЕР.

1984, сент, W 37. Негеля,